

Капля камень точит.
Времена — в песок.
Яростные очи
вспыхнут на восток.
Озарит курганы
древний божий лик.
Упадёт обманный,
предрассветный миг
сумрачно и глухо
на ковыль-траву.
Отведу до уха
злую тетиву.
Из тысячелетий —
в даль и сквозь меня,
канувшего в неги
поколения,
плоть времён пронзая,
от родных шатров
взгляд уйдёт до края
будущих миров.
Взрежет воздух, спящий
в сердцевине мглы,
остриё летящей
на восход стрелы.

Я стучу колотушкой в бубен.
Чрево Матери Мира бужу.
Танец мой причудлив и труден.
Задыхаясь, заклатья твержу,
чтоб явились из тёмного чрева
души нерождённых людей.
Приближается время сева
после жатвы последних смертей.
Оживает пространство ночное.
В тесной юрте стущается дым.
Отзывается эхо густое
гулким рокотом, стоном глухим.
Жаждают степи влаги обильной.
Плещут волны времён в берега.
Под лохматой звериной личиной
я танцую вокруг очага.
Взгляд безумный лучится надеждой.
И колеблет основы основ
хриплый глас. И гремит под одеждой
ожерелье из волчьих клыков.

ДРЕВНЕЕ ИЗВЯНИЕ

Здесь проходили караваны
кочевников. И каждый год
кололи чёрного барана
и кровью мазали мне рот.
Тугие бубны рокотали.
И освещая тёмный ров,
свод неба синего лизали
десятки жертвенных костров...

И уходили караваны.
И ветер разносил золу.
И череп чёрного барана
в густую вглядывался мглу.

...А ты бросаешь горсть монеток.
Автомобиль в пыли стоит
дорожной. Ты, наверно, где-то
богат и очень знаменит.
Но в миг прозренья и прощанья
замешкаешься предо мной,
чтоб ощутить поверхность камня
внезапно дрогнувшей рукой.

Закат купается в крови.
Теперь не молятся, не плачут,
но просят так же все — удачу
и на охоте, и в любви.

Проступает из памяти древней,
как сквозь пыль бездорожных степей,
возвращаясь в родные кочевья,
мы торопим косматых коней.

Через все поколения помню,
как плывут на повозках шатры
и как весело скалятся кони,
покидая чужие миры.

Нам навстречу рассветы клубятся.
Медным бубном пространство гудит.
Прах религий и цивилизаций
осыпается с гулких копыт.

Лижет ветер скуластые лица.
Страстно сужена ярость зрачков.
И ноздрям запах родины снится —
горечь трав и дымы очагов.

Степь листаёт страницы скитаний.
Плещет вслед ковылей седина.
Мы прошли через все расстоянья.
Мы дойдём через все времена.

Табуны мои степные — вороные и гнедые.
Нерасчёсанные гривы, дикий нрав, оскалы злые.
Будто морок ураганный, мчатся сквозь восход туманный,
а вдогонку раздаётся посвист буйный, крик гортанный.
Помнишь? Молодыми были и в табунщиках ходили,
всем другим парням на зависть плетё за поясом носили.
Солнце катится на запад, день уходит без возврата,
и не можешь надышаться чабрецовым ароматом.
Счастье — не звенит в кармане, сколько силы ни достанет —
не удержишь против воли, как двухлетка на аркане.
И во времена любые сорвиголовы лихие
будут гнать по следу счастья табуны свои степные.

Темно во мне начало Инь —
неутолимо и всевластно.
Глаза языческих богинь
к вискам заужены прекрасно.
Не знают ни добра, ни зла
исчадья мудрой несвободы.
Их первобытные тела
в себе содержат мощь природы.
Тяжеловесна поступь их,
бесстрастны бронзовые лики,
и в глубине зрачков немых
желаний вызревают блики.
И нестерпим дыханья зной.
Тугое чрево необъятно —
как почвы плодородный слой,
таинственно и благодатно.
Забывтый рокот их имён
ещё мир чувствует подспудно.
Праматери земных племён
в веках почили беспробудно —
заносят пыльные ветра
дохристианские могилы...
Из них — последняя сестра,
хочу не верности, но силы.
В молочно-предраассветной мгле
даль растворяется степная.
Иду, во вспаханной земле
по щиколотки утопая...

По степи на лошадёнке тощей
ехала горбатая карга.
Ворон на горбе крылом полощет.
Следом пёс — подбитая нога.

Тусклый взгляд от старости слезится.
Как пергамент, сморщилось лицо.
И на солнце весело искрится
в правом ухе жёлтое кольцо.

Заполдень горбатую старуху
нагоняет молодой дурак.
Наклонился к золотому уху:
— Дай дорогу, так тебя растак!

И пропал на сторону заката...
Лошадёнка мнёт степной ковыль.
За хозяйкой старой и горбатой
пёс хромает и глотает пыль.

Круг земли от солнца отвернулся.
Потемнели горные горбы.
Пёс завыл, а ворон встрепенулся.
Что там за знамение судьбы?

Пёс завыл, а ворон опустился
на высокий одинокий холм...
— Вот где ты, дурак, остановился!
Будешь мне пригожим женихом.

Богатыри на траве-мураве отдыхают
в глубь небосвода плывёт немигающий взгляд.
Или о прежних победах своих вспоминают?
Или к подругам тоскующим думой летят?
Облака тень укрывает их шёлком прозрачным.
И стережёт — в изголовье — прохлада камней.
Как им, наверно, отрадно пить взглядом незрячим
коловращенье космических сфер в вышине.
Не побороть богатырскую — насмерть — усталость.
Не отогреть поцелуем желанным уста.
Кровь — до кровинушки — в чёрную почву впиталась.
Рваные стяги над степью закат распластал.
Будто гроза, богатырская рать отгремела,
и тишина воцарилась в пространствах родных.
Кто из них — мёртвых — сражался за правое дело?
И всё равно уже, кто был неправым из них.

Рукава рубахи белой
в синеву летят.
Я когда-то не сумела
удержать тебя.
И теперь, простоволосой,
плачу на ветру.
Пьёт серебряные росы
солнце по утру.
Взгляд плывет до окоёма
с городской стены.
Не искал бы ты от дома
славы да войны.

Свет во тьме безвестной тонет
на Каяле той.

Раны кто твои омочит,
господине мой?

Быстрой птицей обернусь я...

Снова стон стоит
обо всех, кто не вернулся
из кровавых битв.

И доносится сквозь дали
и через века:

— Омочу в реке Каяле
шёлковый рукав...